

Виктор Каган

Зелёные блики

Виктор Каган

Зелёные блики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29411918

ISBN 9785449033604

Аннотация

Полжизни утечет, промчится, пока случится нам понять, как нужно плакать научиться и молча руки целовать, хотеть остановить мгновенье, держать в ладонях теплый блик и приносить благодаренье за каждый день, за каждый миг.

Содержание

«Талый снег. Пропадают следы...»	6
«От прошлого остаётся полуразрушенный остов...»	7
«Дыханьем клёна заложил страницу...»	8
«По водам пущенные годы...»	9
«Наяву ли, во сне ли – уже никогда...»	10
«От оклика в ночи проснуться...»	12
«Оглянуться назад, только больно глазам...»	13
«Всё, что тебе наплели об этой жизни, забудь ...»	15
«Ранней ли осенью, поздней весной...»	17
«Прозрачным ангельским плечом...»	18
«что мелькает в поднебесьи...»	19
«Вот вечер пятого числа...»	20
«Заполúночный свет в тишине...»	21
«Странные ночи и странные дни ...»	22
«Ночь занывает тайну заката...»	23
«Сидеть у моря, ждать погоды...»	24
«Музыка осязаема. Крупицы солёной волны...»	25
«Прогорят дрова. Отшумит молва...»	26
«Набрякшие сырые небеса...»	28
«В перевёрнутом бинокле плачет брошенное время...»	29

«Серебряное скерцо капели с хмурых крыш...»	31
«Разменять предпоследний червонец...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Зелёные блики

Виктор Каган

© Виктор Каган, 2018

ISBN 978-5-4490-3360-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Талый снег. Пропадают следы...»

Талый снег. Пропадают следы,
не успев в небесах отразиться,
и пасутся у невской воды
на граните иззябшие птицы.

Под простёртую длань Петра
разверзаются веси и хляби.
До сегодня доплыть из вчера
на кораблике без астроябий

и махнув на погоду рукой,
разбирая старинные фото,
встретить женщину в шляпе мужской
в старом скверике у поворота.

На бумаге случайный залом.
Улыбнуться – почти что заплакать
Но сглотнёшь подкатившийся ком,
чтоб не множить промозглую слякоть.

«От прошлого остаётся полуразрушенный остов...»

От прошлого остаётся полуразрушенный остов.
От тела – в анатомичке на проволочках скелет.
Вспоминаю город, в котором сто один остров.
Вспоминаю время, в котором меня уже нет.
Спохватываюсь, что вспоминать осталось недолго.
Клин журавлиный в небе.
Комкаю память в горсти.
Заклеиваю конверт.
Пищу не по-русски Olga.
Понимаю, что тебе это незачем,
И не отправляю.
Прости.

«Дыханьем клёна заложил страницу...»

Дыханьем клёна заложил страницу.

Когда?

В каком году?

В июле?

В сентябре?

Где это было?

В парке?

Во дворе?

Но память словно лист сухой крошится.

Остатки прошлого в ладонях растереть

и поднести к лицу сквозь время и напасти,

и оказаться там и умереть от счастья,

чтоб нынче от тоски не умереть.

«По водам пущенные годы...»

По водам пущенные годы,
забытой памяти спираль.
В судьбу слагаются невзгоды,
к ногам легко ложится даль.

В природе нет пустой породы,
к детали лепится деталь.
Горчащий холодок свободы.
Любви прозрачная печаль.

Сегодня, как тогда, суббота.
На чёрно-белом тает фото
снег или пух от тополей,

трамвайчик из-за поворота,
тень времени небес светлей
и женский взгляд из-под полей

мужской с примятой тульей шляпы.

«Наяву ли, во сне ли – уже никогда...»

Наяву ли, во сне ли – уже никогда.
Океан между нами несёт свои воды.
На рассвете восходит заката звезда
приговором бессрочной свободы.

Здесь такая жара, что пожух календарь,
птичьи клювы распахнуты жаждой,
в раскалённой тиши не находит словарь
нужных слов между строк, как однажды

это было, когда ощущала душа
откровение встречного света,
и два дерева, тихо ветвями шурша
рядом с нами, молчали про это.

Громыкнуло... да, кажется, будет гроза.
И к земле прижимаясь, счастливые птицы
замолкают... и вот по стеклу, как слеза
по щеке, капля первая. Это не снится.

Расправляются листья. Оживают слова.
Память мечется вспышками молний.
А потом над землёю всплывёт синева,

как над нами тем летом. Лишь помни...

«От оклика в ночи проснуться...»

От оклика в ночи проснуться,
но никого, лишь всхлипы труб,
луны фарфоровое блюдо,
краплённость неба, сухость губ,
тоски зелёные побеги
через забвения бетон
и жизнь от альфы до омеги
как времени протяжный стон.

«Оглянуться назад, только больно глазам...»

Оглянуться назад, только больно глазам
от слепящего чёрного света.
Сколько ни повторяй отворись, мол, Сезам,
ни ответа тебе, ни привета.

До себя не докликаться в прошлого мгле —
кошки серы и свечи остыли.
Маргарита ли, ведьма ли на помеле?
Да и сам ты, о господи, ты ли?

Этот шкет лупоглазый, этот юный балбес,
этот дурень успешный за сорок
проступают из канувших в нети небес
как в намёке укрывшийся мброк.

Близорукая мысль. Дальнорюкая грусть.
Ленинградские тучи разлапы.
Дождь играет на лужах без нот, наизусть.
Зелень глаз из-под плачущей шляпы.

Замять лет. Круговая порука тоски.
Четверть века. Прикушенный волос.
Память вяжет и вяжет свои узелки.

Льнёт над временем к голосу голос.

«Всё, что тебе наплели об этой жизни, забудь ...»

Всё, что тебе наплели об этой жизни, забудь —
всё это лажа, туфта, пустопорожний бред.
Не надувай щёки и не выпячивай грудь,
будь тем, что есть а заслуги твоей в том нет.

Нищему манна с неба, кесарю власти блуд,
челяди не по чести, не предавала чтоб.
Если блаженны, то разве те, кто в любви не лгут.
Если безгрешны, то разве младенцы во тьме утроб.

Просто это пришло – дозваться ты бы не смог.
Так приходит рассвет, когда бесконечна ночь,
так, наплевав на время, с тобой говорит бог
и никаким таблеткам этого не превозмочь.

Нечего к бабкам ходить – сами придут спросить.
В зеркало не смотри – в нём только твой палач.
Лучиком изумрудным тянется взгляда нить
сквозь непроглядность туч, сколько дожди ни плачь.

За вспыхнувшим светом глаз не поспекает звук.
Четыре времени года сливаются в долгий миг.
Над океаном парит птица распахнутых рук.

Щёку щекочет тающий в полночи утренний блик.

«Ранней ли осенью, поздней весной...»

Ранней ли осенью, поздней весной
сон предрассветный набухнет тревогой,
словно душа застарелой виной
перед не пройденной дальней дорогой.

И заступая во сне за черту
жизни, со смертью играющей в прятки,
вспомнишь, отбросив пустую тщету,
льнущие к ветру лёгкие прядки,

прозелень взгляда сквозь голубизну
редких просветов свинцового свода,
лунную в проруби фортки блесну,
тени под сводом вокзальным разброда.

Вспомнишь, а толку? Забыть – да никак.
Жизнь посекалась, значит будет мережка.
Катится гнутый затёртый пятак
в щель между снами. Орёл или решка?

«Прозрачным ангельским плечом...»

Прозрачным ангельским плечом
летучий мыш распорет полночь
и я спрошу тебя: «Ты помнишь?»,
а ты ответишь мне: «О чём?».

О чём? Ну как же – вот тогда
промокшей улицы в начале...
В ладони катится звезда
судьбы, забвения, печали.

«**ЧТО МЕЛЬКАЕТ В ПОДНЕБЕСЬИ...»**

что мелькает в поднебесьи
наплывает из угла
то ли это крылья бесьи
то ли ангела крыла
то ли это просто птица
то ли синяя сама
то ли бес в ребро стучится
то ли горе от ума
то ли ягода-кислица
то ли песенка щегла
то ли быль то ль небылица
то ли просто ты пришла

«Вот вечер пятого числа...»

Ещё я не смею привыкнуть...
Глеб Семёнов

Вот вечер пятого числа
к рассвету льнёт числа шестого.
И ночь прошла, и жизнь прошла,
и след растаял прожитого.

Но рук не отвести от рук
и губ от губ, и взгляд от взгляда.
Небесный лес роняет звук
в мелодию немого сада.

И чудо звёздного следа
летит в ладони дуралею.
К тому, что это навсегда,
ещё привыкнуть я не смею.

«Заполúночный свет в тишине...»

Заполúночный свет в тишине.
Шелест вечности.
Шорох мгновенья.
Лунный зайчик по белой стене.
Тени с тенью соприкосновенье.
Шёпот лет сквозь растерянность слов.
Несказуемый трепет печали.
Память неотличима от снов.
Семь концов повстречались в начале.
Семь гонцов.
Семь грехов.
Семь ветров.
И седьмое – последнее небо.
Семь даров изумлённых волхвов.
Рук сплетённых бессонная треба.

«Странные ночи и странные дни ...»

Странные ночи и странные дни —
словно свечение прозрачного звука
предощущению чуда сродни
на перекрёстке сердец перестука.

Коротки ночи и дни не длинны,
словно о вечности жизнь позабыла.
В хрупком флаконе полной луны
запах серебряного чернобыла.

Спать и сквозь сон отзываться на сон,
рядом парящий слезой на реснице
под законных теней перезвон
в старом органе глухой половицы.

Слушать как шепчется ночь за стеной
с днём за томительный час до рассвета...
Господи, это неужто со мной?
Что ж ты молчишь? И за что мне всё это?

«Ночь занывает тайну заката...»

Ночь занывает тайну заката
и задует свечу фонаря.
Облаков обгоревшая вата
канет в темень, судьбу костеря.

Выдох вдоху откроет калитку.
Вздригнет воздух тревогой налит.
К помутневшему лунному слитку
тропки тянутся звёздных улит.

Верить поздно, надеяться рано,
Алладина зови, не зови.
И врачуется старая рана
только тихую лаской любви.

И пешком отправляться по водам,
и парить, взявшись за руки над.
Быть собой означает свободу
рук сплетенья, а прочее ад.

«Сидеть у моря, ждать погоды...»

Сидеть у моря, ждать погоды,
гадать наступит ли, когда,
перебирать по пальцам годы,
делить на годы и года,
чинить разбитое корыто,
латать пробоины души,
поверить, что всё шито-крыто,
пускать по водам гольши,
считать круги, не спать ночами,
морочить голову судьбе
и зябко поводя плечами,
играть на выстывшей трубе
в потёках горьковатой соли
отбою йодистому вслед,
и руки целовать Ассоли
в морщинках съёжившихся лет.

«Музыка осязаема. Крупницы солёной волны...»

Музыка осязаема. Крупницы солёной волны
неслышно шекочут щёки и нежатся на губах.
Слова в горьковатом йода запахе растворены.
Стрелы лучей замерли на времени тетивах.

Над океаном глубь. Под океаном высь.
А между, в толще воды отражаются наши следы.
Руки замерли словно к мыси прильнула мысь,
лишь пальцы перебирают озябших пальцев лады.

Спроси меня – кто она, я бы сказать не смог,
хоть режь меня на куски, хоть просто так убей.
Она умеет ходить по воде, не замочив ног.
И я умею... Но только взявшись за руки с ней.

«Прогорят дрова. Отшумит молва...»

Прогорят дрова. Отшумит молва.
Утекут меж пальцев и день, и год.
Отзвенит капёль. Прорастёт трава
и пожухнет. И жизнь в небеса уйдёт.

Улетит душа в занебесный лес,
на пенёк присядет у озера.
Хорошо душе без земных телес.
Оседает пыль. Серебрится пыльца.

Отопьёт глоток из большого ковша.
А внизу былё поросло былём
и закат стекает в ночь, не спеша,
из вечерних вен кровавым ручьём.

Из небесной травки свернёт косячок,
заторчит слегка, расправит крыла —
птица, бабочка, дурочка, светлячок
улетит туда, где жизнь прожила,

и прильнёт к другой горевой душе,
и шепнёт неслышно: «А вот и я».
Рай не на небесах, а здесь в шалаше

в круговерти земного житъя-бытъя.

Месяц в теле ночи по рукоять.

Ходит по кругу чёрный конвойный кот.

Будь что будет, но только рук не разнять.

А небесный рай – ничего, подождёт...

«Набрякшие сырые небеса...»

Набрякшие сырые небеса,
продрогшие на Аничковом кони,
друзей с другого света голоса
и след прикосновенья на ладони,

и ночи белой призрачная вязь,
и дней коротких сумерки смурные,
раздолбанная уличная грязь
и язвы переулков прободные,

и глупость без руля и без ветрил,
и слово – от прозренья амулетом,
и женщина, которую любил,
но сам тогда ещё не знал об этом.

«В перевёрнутом бинокле плачет брошенное время...»

В перевёрнутом бинокле плачет брошенное время.
За стеклом аэропорта неприкаянная слякоть.
Алюминиевы кони. И вдевает ногу в стремя
тот, которому бы впору оглянуться и заплакать.

А в аквариуме зала золотая плачет рыбка,
онемевшая от боли. Но стеклянная запруда
из себя не отпускает. По стеклу стекают зыбко
обессиленные капли брызнувшего изумруда.

В перевёрнутом бинокле громоздится четверть века —
дниви каждому довлели его злоба и печали...
А теперь, когда закатом багровеет жизни веко,
в суете аэропорта оказаться, как в начале,

словно бы и не бывало всё, что не было и было,
словно на колу мочало не морочило, не билось,
словно терпкий привкус боли с губ сухих слезами смыло
и осталась разве малость благодарностью за милость.

И шуршанье жизни в жилах ощущать, как в миг
рожденья,
и, себе ещё не веря, удивляться, как молиться,

и стоять, не шелохнувшись, чтобы не спугнуть мгновенье...

И неслышно проступает на коре души живица.

«Серебряное скерцо капели с хмурых крыш...»

...зеленоглазый мой...

Булат Окуджава

Серебряное скерцо капели с хмурых крыш.
Захламленного неба подслеповатый свет.
На перекрёстке памяти растерянно стоишь
и замечает временем следы бредущих лет.

По переулкам памяти скитаются ветра.
Плутает закоулками дворов щербатых бред.
Тенями заполошными бессонные *вчера*
в фонарных бликах мечутся, судьбы теряя след.

Катает крошки прошлого в беззубых дёснах мышь.
В потёмках шкафа мается забытого скелет.
И ни kota, ни шила в мешке ты не утаишь
и за семь бед наделанных пора держать ответ.

Отбросишь страхи глупые и шелуху словес,
шагнёшь к суда последнего скрещению дорог —
тебе навстречу явится последним из чудес
твой нежный и единственный зеленоглазый бог.

«Разменять предпоследний червонец...»

Разменять предпоследний червонец
или, может, последний, бог весть...
Грозный топот пророковых конниц
с крыш срывает осипшую жуть.

Долог миг. Век стремительно краток.
Вся в узлах Ариаднина нить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.